ПОДАРОК НА РОЖДЕСТВО

Рассказы зарубежных писателей

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Сборник
Андрей Дмитриевич Степанов

Подарок на Рождество. Рассказы зарубежных писателей

Серия «Больше чем книга»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74741926
Подарок на Рождество. Рассказы зарубежных писателей:
ISBN 978-5-389-35938-3

Аннотация

Когда на улицах белым-бело от снега и природа словно замерла, скованная морозом, а в домах пахнет хвоей и зажигаются свечи и гирлянды, наступают всеми любимые праздники – Рождество и Новый год. Эти дни наполнены радостью и ощущением чуда, праздничная атмосфера пробуждает в людях надежду на лучшее, помогает преодолеть невзгоды, забыть старые обиды и поверить в добро. Идея духовного обновления лежит в основе жанра рождественского рассказа, которому отдали дань многие именитые писатели, а его основоположником принято считать Чарльза Диккенса – автора знаменитой «Рождественской песни в прозе» о мрачном скряге Скрудже. В этом сборнике

представлены рассказы зарубежных писателей, посвященные Рождеству, – Диккенса, Гофмана, Андерсена, Мопассана, С. Лагерлёф, Джерома К. Джерома, О. Генри и других.

Книга празднично оформлена: в ней использованы старинные открытки и иллюстрации из периодической печати конца XIX – начала XX века. Она адресована самой широкой читательской аудитории и станет прекрасным подарком для родных и друзей к Рождеству и Новому году.

Содержание

Эрнст Теодор Амадей Гофман 6
Рождественская ночь 6
Подарки 12
Подопечный 17
Чудеса 22
Битва 32
Болезнь 38
Сказка о твердом орехе 44
Продолжение сказки о твердом орехе 52
Конец ознакомительного фрагмента. 53

Подарок на Рождество
Рассказы зарубежных писателей

© С. А. Антонов, перевод, 2026
© Л. Ю. Брилова, перевод, 2026
© А. Б. Грызунова, перевод, 2026
© Н. Л. Дарузес (наследник), перевод, 2026
© Э. И. Иванова (наследник), перевод, 2026
© Е. Д. Калашникова (наследник), перевод, 2026
© С. Б. Лихачева, перевод, 2026
© Т. А. Озерская (наследник), перевод, 2026
© А. Д. Степанов, составление, перевод, 2026
© И. П. Стреблова, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Эрнст Теодор Амадей Гофман
Щелкунчик и Мышиный король

Рождественская ночь

В канун Рождества, двадцать четвертого декабря, детям медицинского советника Штальбаума целый день не разрешалось входить в проходную комнату, тем более в гостиную. Фриц и Мари сидели, прижавшись друг к другу, в уголке горенки. Наступили сумерки, детям стало страшно, потому что в комнату не внесли, как обычно, лампы. Фриц шепотом рассказал младшей сестрице (ей только что исполнилось семь лет), что с самого утра в запертых комнатах что-то шуршало и шелестело, слышалось легкое постукивание. А совсем недавно через прихожую проскользнул маленький человек в темном с большим ящиком под мышкой, Фриц знает это точно, то был их крестный Дроссельмайер. От радости Мари захлопала в ладоши: «Ах, крестный Дроссельмайер смастерил для нас что-то чудесное!»

Старший советник суда Дроссельмайер не отличался красотой, был он маленьким, худым человеком с морщинистым лицом, носил черный пластырь на месте правого глаза, а лысую голову прикрывал красивым белым париком искусной

работы из стеклянных нитей. Да и сам крестный был величайшим искусником, он хорошо разбирался в часах и даже умел их делать. Поэтому, когда у Штальбаумов переставали бить или петь часы, всегда приходил крестный Дроссельмайер, снимал стеклянный парик, стаскивал желтый сюртучок, повязывал голубой фартук, затем начинал тыкать острыми инструментами часы так, что маленькой Мари их было очень жалко, но вреда часам он не причинял, напротив – они оживали, начинали шуршать, тикать и петь, и все в доме этому очень радовались.

Всякий раз крестный приносил для детей что-нибудь замечательное: то человечка, который умел вращать глазами и отвешивать поклоны, вызывая у зрителей смех, то коробочку, из которой выскакивала птичка, либо что-то другое, не менее прекрасное. Но к Рождеству крестный мастерил особо ценную вещь, над которой долго трудился, потому-то родители тут же заботливо убирали подальше его подарок.

– Ах, крестный смастерил для нас что-то необыкновенное! – воскликнула Мари.

Фриц считал, что на сей раз изготовлена крепость, в ней будут маршировать и упражняться стройные солдатики, потом появятся другие солдаты, чтобы взять крепость штурмом, но те воины, из крепости, бросятся к пушкам и устроят невероятную пальбу.

– Нет-нет, – перебила Мари Фрица, – крестный рассказывал мне о прекрасном саде. Там есть еще большое озеро,

по нему плавают чудесные лебеди с золотыми ленточками на шее и распевают дивные песни. Из сада приходит маленькая девочка, она подманивает лебедей к берегу и угощает их сладким марципаном.

– Лебеди не едят марципаны, – грубо перебил сестру Фриц, – да и целый сад крестный не сможет сделать. К тому же какой нам толк от его игрушек, все равно их сразу же забирают. Мне больше нравятся папины и мамины подарки: они остаются у нас, и мы что хотим, то с ними и делаем.

Дети принялись гадать, что им подарят на этот раз. Мари сказала, что мамзель Трутхен – ее большая кукла – совсем испортилась, стала ужасно неуклюжей, то и дело падает на пол, так что на ее лице не счесть грубых шрамов, а уж о чистоте одежды и говорить не приходится, никакие увещевания тут не помогают. Потом еще мама улыбнулась, когда Мари восхищалась маленьким зонтиком Гретхен.

Фриц уверял, что у него в придворной конюшне не хватает гнедого жеребца, да и кавалерии маловато, о чем хорошо известно папе. Словом, брат и сестра догадывались, что родители накупили им замечательных подарков и сейчас их расставляют на столе, кроме того, они знали, что милый Иисус смотрит на них добрыми детскими глазами и Его благословляющие руки осеняют рождественские дары как никакие другие. Дети вспомнили: когда они шептались об ожидаемых подарках, старшая их сестрица Луиза сказала, что всемилостивейший Христос одаряет ребят через их ласковых родителей, которые всегда рады доставить им удовольствие. Божественный Младенец лучше их самих знает, что им потребно, поэтому не стоит загадывать, нужно кротко ждать, что пошлет Господь Бог. Маленькая Мари глубоко задумалась, а Фриц прошептал: «Хотелось бы мне все-таки получить гнедого коня и гусар».

Стало совсем темно. Фриц и Мари, прижавшись друг к другу, не смели проронить ни слова, им чудилось, будто над

ними веют легкие крылья и издалека доносится чудесная музыка. По стене скользнул светлый луч, дети догадались, что Младенец Христос отлетел на сияющих облаках к другим счастливым ребятам.

В тот же миг раздался звон серебряного колокольчика: дзинь-дзинь-дзинь! Двери распахнулись. Гостиная озарилась таким блеском, что дети с громким криком «Ах, ах!» замерли на пороге. Папа и мама взяли Мари и Фрица за руки и ласково проговорили: «Идемте же, идемте. Посмотрите, чем вас одарил всемилостивейший Христос!»

Подарки

Я обращаюсь непосредственно к тебе, любезный читатель или слушатель, – Фриц, Теодор, Эрнст, все равно, как бы тебя ни звали, – и прошу как можно живее вообразить себе празднично украшенный рождественский стол, заставленный разнообразными чудесными подарками, какие ты, возможно, получал в прошлое Рождество, и тогда тебе будет нетрудно понять, что дети, обомлев от восторга, смотрели на все восхищенными глазами.

Спустя мгновение Мари с замиранием сердца проговорила:

– Ах, как чудесно! Как же прекрасно!

Фриц от радости несколько раз подпрыгнул, это у него всегда хорошо выходило. Должно быть, дети весь год были послушными и благовоспитанными, потому что они еще ни разу не получали столько чудесных, красивых подарков.

Большая елка посреди комнаты была увешана золотыми и серебряными яблоками, на ветках расположились, будто цветы или бутоны, пестрые конфеты, засахаренный миндаль и другие разноцветные сласти, но лучше всего чудесное дерево украшали сотни маленьких свечек, которые, как звездочки, мерцали в темных ветвях. Залитая огнями елка так и манила к себе, предлагая сорвать растущие на ней цветы и плоды. Вокруг дерева все переливалось огнями. Чего там

только не было – кому это под силу описать! Мари увидела чудесных кукол, миленькую игрушечную посуду, но больше всего ее обрадовало шелковое платьице, украшенное яркими цветными лентами, висевшее так, чтобы Мари могла его рассмотреть со всех сторон. Она и рассматривала, время от времени восторженно восклицая: «Ах, какое красивое, какое миленькое платьице! Мне позволят, конечно же позволят его надеть!»

Фриц тем временем уже три или четыре раза проскакал галопом и рысью на гнедом скакуне, который, как он и предполагал, был на привязи у стола с подарками. Слезая, Фриц проговорил, что гнедой – неукротимая бестия, но он его, конечно же, вышколит. Потом Фриц произвел смотр новому эскадрону гусар, одетых в красные мундиры с золотом. Гусары держали в руках великолепное серебряное оружие и сидели на таких белоснежных лошадях, что можно было подумать, будто они тоже из чистого серебра.

Дети, немного угомонившись, хотели было взяться за книжки с картинками, лежавшие раскрытыми на столе, чтобы можно было увидеть дивные цветы, ярко раскрашенных людей, милых играющих детей, нарисованных так искусно, что они казались живыми, способными вот-вот заговорить. Да только Фриц и Мари потянулись к книжкам, как вновь прозвенел звонок. Дети знали, что пришел черед подаркам крестного Дроссельмайера, и побежали к столу, стоящему у стены.

Убрали ширму, прикрывающую стол. И что же увидели дети? На зеленой, усеянной цветами лужайке возвышался чудесный замок с зеркальными окнами и золотыми башнями. Зазвенели колокольчики, двери и окна распахнулись, и все увидели, как по залам прогуливаются очаровательные крошечные кавалеры и дамы в шляпах с перьями и в платьях с длинными шлейфами. В центральном зале, который ослепительно сиял – так много свечек горело в серебряных люстрах, – под музыку серебряных колокольчиков танцевали дети в коротких курточках и юбочках. Господин в плаще изумрудного цвета выглядывал из окна, изящно раскланивался и исчезал, а внизу, у ворот замка, появлялся и снова уходил крестный Дроссельмайер, росточком с папин большой палец, не больше.

Фриц положил локти на стол и долго рассматривал дивный замок с танцующими и прогуливающимися чудесными человечками. Потом он попросил:

– Крестный Дроссельмайер! Пусти меня в свой замок!

Старший советник суда напомнил, что это никак не получится. И он был прав: со стороны Фрица было глупо проситься в замок, который вместе с золотыми башнями был меньше его. Фриц и сам это осознавал, но не удержался от просьбы.

Немного погодя в замке все так же прогуливались кавалеры и дамы, танцевали дети, изумрудный господин выглядывал из того же окна, а крестный Дроссельмайер по-прежнему

подходил к той же двери, и Фриц в нетерпении воскликнул:

– Крестный Дроссельмайер, выйди же наконец из другой двери!

– Этого никак нельзя сделать, – возразил старший советник суда.

– Ну тогда вели этому зеленому человечку, – продолжал Фриц, – тому, что выглядывает из окна, прогуляться с дамами и кавалерами.

– И это не получится, милый Фрицхен, – ответил старший советник суда.

– Тогда пусть спустятся вниз дети, – настаивал Фриц, – я хочу их получше разглядеть.

– Ничего этого не выйдет, – с раздражением проговорил старший советник суда, – механизм налажен раз и навсегда, все так и останется.

– Во-от как, – протянул Фриц, – ничего нельзя изменить? Послушай, крестный Дроссельмайер, если твои расфуфыренные человечки в замке только и умеют, что повторять одно и то же, тогда они мне не нужны. Вот мои гусары умеют маршировать взад и вперед, как мне захочется, и они не заперты в доме.

С этими словами он подскочил к рождественскому столу, и по его команде эскадрон на серебряных конях поскакал рысью в разные стороны, размахивая саблями и стреляя сколько душе угодно.

Мари тоже потихоньку отошла от замка, ей также наску-

чили прогулки по замку, одни и те же танцы куколок, только она проделала это незаметно, в отличие от Фрица.

Старший советник суда Дроссельмайер сказал недовольно родителям:

– Такая искусная вещь не для неразумных детей. Я заберу свой замок.

Тут матушка попросила показать внутреннее устройство замысловатой игрушки, ее интересовало, какие механизмы приводят в движение всех куколок. Советник разобрал и вновь собрал весь замок с его обитателями. При этом он немного повеселел и подарил детям несколько красивых коричневых пряничных человечков с золотыми лицами, руками и ногами. Они были из Торна и чудесно пахли. Фриц и Мари обрадовались пряникам.

Сестрица Луиза по желанию матери надела подаренное платье. Оно ей прекрасно подошло, Мари попросила разрешения тоже примерить свое платье, чтобы выглядеть так же чудесно. Ей охотно разрешили.

Подопечный

На самом деле Мари не хотелось отходить от стола с рождественскими подарками потому, что она приметила кое-что, чего не видела раньше. После выступления гусар Фрица, которые прежде стояли строем у елки, оказался на виду замечательный человечек, скромно ожидавший, когда наступит его черед. Красотой он не отличался: его длинное мощное туловище опиралось на коротенькие, тонкие ножки, да и голова казалась великоватой. Зато аккуратная одежда выдавала, что это человек образованный и со вкусом. На нем был щегольский блестяще-фиолетовый гусарский мундир со множеством пуговиц и позументов, такие же рейтузы и нарядные сапожки, каких не доводилось носить студентам и офицерам. Сапожки ловко обтягивали хилые ножки, будто были на них нарисованы. К сожалению, при таком элегантном костюме нелепым выглядел узкий кургузый плащ, словно выкроенный из дерева, и горняцкая шапка на голове. Мари подумала, что крестный Дроссельмайер тоже носит нескладное пальто и неуклюжую шапку, но это не мешает ему быть милейшим и добрейшим человеком. Кроме того, Мари пришла к заключению, что крестный Дроссельмайер, будь он даже щеголем, как этот человечек, все равно бы не выглядел таким милым.

Внимательно вглядываясь в симпатичного человечка, ко-

торый ей понравился с первого взгляда, Мари заметила, каким несокрушимым добродушием светилось его лицо. Его светло-зеленые, слегка навыкате глаза излучали приветливость и дружелюбие. Человечку была к лицу тщательно завитая белоснежная борода из хлопка, окаймлявшая подбородок, которая делала заметней ласковую улыбку на его алых губах.

– Ах! – воскликнула наконец Мари. – Милый батюшка, чей этот прелестный маленький человечек, который стоит под елкой?

– Он, милое дитя, – ответил отец, – должен трудиться для нас всех – разгрызать твердые орехи – и потому принадлежит и Луизе, и тебе, и Фрицу.

С этими словами отец взял в руки человечка, приподнял деревянный плащ, и тогда человечек широко-широко разинул рот, показав два ряда очень белых острых зубов. Мари тут же сунула ему в рот орех – щелк! – человечек разгрыз его, скорлупа упала, и на ладони девочки оказалось вкусное ядрышко. Тут уже все, и Мари тоже, поняли, что маленький человечек происходит из рода щелкунчиков и продолжает профессию своих предков. Мари захлебнулась от восторга.

– Что ж, Мари, раз тебе так понравился Щелкунчик, ты уж тогда заботься о нем и береги его, только не забывай, что Луиза и Фриц тоже могут пользоваться его услугами.

Мари не замедлила взять Щелкунчика в руки и дала ему грызть орехи, выбирая самые маленькие, чтобы человечку

не пришлось слишком широко разевать рот, что, по правде говоря, его вовсе не красило.

Луиза присоединилась к ней, дружочек Щелкунчик старался и для нее; казалось, ему нравилось грызть орехи – он неизменно приветливо улыбался.

Между тем Фрицу надоело маршировать и скакать на коне; возможно, он уже подустал и, когда услышал, как весело щелкаются орехи, подбежал к сестрам и от души посмеялся над маленьким потешным человечком, который теперь переходил из рук в руки и неутомимо разевал и закрывал рот. Фрицу тоже захотелось отведать орешков, он стал быстро совать Щелкунчику самые большие и твердые, и тут вдруг – крак-крак! – три зуба выпали изо рта Щелкунчика, а нижняя челюсть его отвисла и зашаталась.

– Ах, бедный мой, бедный, милый Щелкунчик! – вскрикнула Мари и отобрала его у Фрица.

– Фу, какой дурак! – проговорил Фриц. – Хочет быть Щелкунчиком, а у самого хилая челюсть, и он ничего не смыслит в своем деле. Дай-ка его сюда, Мари, пусть грызет орехи, даже если потеряет последние зубы, да хоть и всю челюсть! Нечего жалеть бездельника!

– Нет-нет-нет! – заплакала Мари. – Не отдам я тебе моего милого Щелкунчика. Ты только посмотри, как он печален, как показывает свой раненый ротик! Ты жестокий – бьешь своих лошадей и позволяешь солдатам убивать друг друга!

– Так и должно быть, ты в этом ничего не смыслишь! –

крикнул Фриц. – А Щелкунчик не только твой, но и мой тоже. Давай его сюда!

Мари разрыдалась и быстро завернула больного Щелкунчика в носовой платок. К ним подошли родители с крестным Дроссельмайером. К огорчению Мари, крестный принял сторону Фрица. Но отец заметил:

– Я намеренно отдал Щелкунчика на попечение Мари, он сейчас, как я вижу, нуждается в ее заботах, так пусть она им и распоряжается, никто не должен вмешиваться в ее дела. Вообще-то Фриц меня удивляет тем, что требует услуг от пострадавшего на службе. Как настоящий военный, он должен знать, что раненых не оставляют в строю, а отправляют на лечение.

Фриц устыдился и, не обращая больше внимания на орехи и Щелкунчика, тихонько пробрался к другой стороне стола, где его гусары, выставив, как полагается, караульные посты, расположились на ночлег. Мари отыскала выпавшие зубы Щелкунчика, а пострадавшую челюсть перевязала красивой белой ленточкой, которую сняла со своего платья. Затем еще заботливее укутала платком бедного человечка, который сильно побледнел и казался испуганным. Баюкая его, как младенца, она принялась рассматривать красивые картинки в новой книге, которая лежала среди других подарков. И не на шутку рассердилась, хотя это было вовсе на нее не похоже, когда крестный Дроссельмайер стал смеяться над тем, что она нянчится с таким уродцем.

Тут она вновь задумалась над странным сходством Щелкунчика и Дроссельмайера, которое отметила про себя уже при первом взгляде, и проговорила со всей серьезностью:

– Как знать, милый крестный, был бы ты таким же красивым, как мой милый Щелкунчик, даже если бы принарядился, как он, и надел блестящие сапожки!

Мари никак не могла взять в толк, почему так громко расхохотались родители и почему у старшего судебного советника покраснел нос и он не смеется со всеми вместе. Верно, на то были свои причины.

Чудеса

В гостиной медицинского советника, у двери слева, стоял высокий стеклянный шкаф, куда дети убирали красивые подарки, которые получали каждый год. Луиза была еще совсем маленькой, когда отец заказал этот шкаф самому искусному столяру, и тот вставил в него нежнейшие прозрачные стекла, так что в шкафу игрушки выглядели даже красивее, чем когда их брали в руки. На верхней полке, куда Мари и Фриц не могли добраться, стояли чудесные изделия крестного Дроссельмайера, под нею помещалась полка с книжками-картинками, на двух нижних полках дети размещали все, что хотели. Обыкновенно Мари устраивала внизу кукольную комнатку, а Фриц над нею оборудовал военный лагерь. Так было и сегодня.

Пока Фриц расставлял наверху гусар, Мари внизу отодвинула в сторонку мамзель Трутхен, усадила новую нарядную куклу в центр хорошо меблированной комнаты и напросилась к ней в гости угощаться сластями. Как я уже сказал, комната была красиво обставлена, и это правда; не знаю, есть ли у тебя, внимательная слушательница Мари, так же как у маленькой Штальбаум, ты помнишь, что ее тоже зовут Мари, – так вот, не знаю, есть ли у тебя такая же красивая, вся в цветочках софа, несколько изящных стульчиков, низенький чайный столик, а главное – очаровательная светлая кроват-

ка, где спят самые красивые куклы?

Все это стояло в углу шкафа, стены которого были даже оклеены цветными картинками, и ты легко поймешь, как приятно здесь было жить новой кукле, которую, как Мари только что узнала, звали мамзель Клерхен.

Был уже поздний вечер, приближалась полночь. Крестный Дроссельмайер давно ушел, а дети все никак не могли оторваться от стеклянного шкафа, хотя мама уговаривала их идти спать.

– Правда, правда, – согласился наконец Фриц, – усталым парням, – он имел в виду своих гусар, – давно пора на покой. Пока я здесь, никто из них не осмелится клевать носом!

И с этими словами он ушел. Но Мари все упрашивала:

– Еще минуточку, одну только минуточку, милая мамочка, мне нужно кое-что сделать; как только управлюсь, сейчас же пойду спать!

Мари была разумным и послушным ребенком, и потому мама могла спокойно оставить ее с игрушками. Но чтобы дочь, заигравшись с куклами и новыми подарками, не забыла погасить свечи, горевшие вокруг шкафа, матушка сама их все задула, оставив лишь лампу, висевшую посреди потолка и лившую на всю гостиную мягкий уютный свет.

– Долго не задерживайся, милая Мари, иначе утром вовремя не встанешь, – сказала мама, удаляясь в спальню.

Как только Мари осталась одна, она тотчас приступила к тому, что уже давно задумала, хотя, неизвестно почему, не

призналась в этом даже маме. Она все еще баюкала на руках укутанного в носовой платок раненого Щелкунчика. А теперь бережно положила его на стол, развернула платок и осмотрела раны. Щелкунчик был очень бледен, но все же улыбался, причем так жалостливо и мило, что тронул Мари до глубины души.

– Ах, милый Щелкунчик, – проговорила она тихо, – не сердись, что братец Фриц причинил тебе боль, ведь он это сделал не нарочно. Фриц немного огрубел от суровой солдатской жизни. Поверь мне, он очень хороший мальчик! Я буду выхаживать тебя, пока ты не выздоровеешь и не повеселеешь. А вот зубки тебе вставит и вправит плечи крестный Дроссельмайер, он на все руки мастер…

Мари не успела договорить. Лишь только она произнесла имя крестного, дружочек Щелкунчик вдруг скорчил злую мину и в его глазах сверкнули колючие зеленые огоньки. Но в тот миг, когда Мари чуть не испугалась, на лице Щелкунчика вновь заиграла жалобная улыбка. Мари подумала, что черты ее друга исказил свет, мигнувший от сквозняка лампы.

– Ну, я же не глупая девчонка, чтобы ни с того ни с чего испугаться и посчитать, будто деревянные куклы могут корчить разные гримасы! Все-таки я люблю Щелкунчика, потому что он такой смешной и такой добрый. Надо за ним как следует ухаживать!

С этими словами Мари взяла своего дружочка на руки,

опустилась на корточки и сказала новой кукле:

– Я очень тебя прошу, мамзель Клерхен, уступи кроватку раненому Щелкунчику, а сама устройся на софе. Ты ведь здоровая и крепкая, ишь какая круглолицая и румяная! Да и не у всех даже самых красивых кукол есть такая мягкая софа.

Мамзель Клерхен, разнаряженная по случаю Рождества в пух и прах, важно надулась и не выдавила из себя ни звука.

– И чего это я с нею церемонюсь! – проговорила Мари, сняла с полки кроватку, нежно уложила туда Щелкунчика, обвязала ему пострадавшие плечи красивой лентой, которую носила вместо пояса, и накрыла его одеялом по самый нос.

«Ох, верно, не стоит его оставлять с несносной Клер», – подумала она и поставила кроватку с Щелкунчиком на верхнюю полку, возле красивой деревеньки, где располагались гусары Фрица. Потом заперла шкаф и собралась уже идти в спальню, как – только послушайте, дети! – вдруг во всех углах, за печью, стульями и шкафами, началось какое-то шуршанье, шушуканье и бормотанье. Стенные часы зашипели, захрипели, но никак не могли пробить полночь. Мари глянула на них. Большая позолоченная сова, сидевшая на часах, расправила крылья, а потом опустила их, и они заслонили циферблат. Мало того, сова вытянула вперед противную кошачью голову с кривым клювом. Часы продолжали хрипеть. Среди шипенья и хрипа Мари расслышала такие слова:

– Тик-так, бум-бум, не умерите ли шум? Слышит все ко-

роль мышиный! Скоро прозвенит звонок, королю приходит срок!

Бим-бом! – часы глухо и хрипло пробили двенадцать раз. Мари не на шутку испугалась и чуть не убежала со страху, как вдруг увидела, что на часах вместо совы сидит крестный Дроссельмайер, свесив, словно крылья, полы своего желтого сюртука. Мари взяла себя в руки и жалобно прокричала:

– Крестный Дроссельмайер, что ты там наверху делаешь? Слезай вниз и не пугай меня, противный крестный!

Вдруг нежданно-негаданно раздались со всех сторон странное хихиканье и писк, послышались беготня и топот за стеной, будто там туда-сюда сновали тысячи маленьких лапок, сотни крохотных огоньков засияли из щелей в полу. О нет! – то были не свечки, а маленькие блестящие глазки. Мари увидела, что из всех дырок выглядывают целые полчища мышей. Топ-топ-топ, шмыг-шмыг-шмыг! – застучали мышиные лапки по комнате. Скоро они уже выстроились в ряды наподобие отрядов Фрица, когда он их готовил к бою. Это позабавило Мари, у нее не было, как у других ребят, врожденного отвращения к мышам, страх ее почти прошел, как вдруг послышался такой грозный и пронзительный писк, что она похолодела от ужаса. Ах, что же там было!

Нет, право же, любезный читатель Фриц, я уверен, что у тебя, как и у бесстрашного полководца Фрица Штальбаума, мужественное сердце, но, если бы ты увидел то, что открылось взору Мари, ты бы удрал сломя голову, шмыгнул в по-

стель и натянул бы одеяло по самые уши. Ах, а бедняжка Мари не могла этого сделать, потому что – только послушайте, дети! – к самым ее ногам, словно от подземного толчка, вдруг выбросило песок, известку и осколки кирпичей, из-под пола со страшным шипением и визгом высунулись семь мышиных голов с семью сверкающими королевскими коронами. А вскоре выбралось целиком и мышиное туловище, на котором сидели эти семь голов. Мышиная орда хором трижды приветствовала мышь с алмазными коронами. Войско пришло в движение – топ-топ-топ – и устремилось к шкафу, прямо на Мари, которая все еще стояла, прижавшись к стеклянной дверце. Сердце у девочки от ужаса заколотилось так, что она боялась, как бы оно не выпрыгнуло из груди, тогда она уж точно бы померла. Но тут ей показалось, будто кровь застыла у нее в жилах. Мари отпрянула и зашаталась, теряя сознание, клинг-клинг-клир – посыпались осколки стекла, которое Мари разбила локтем. В тот же миг она почувствовала жгучую боль в левой руке и одновременно облегчение: она больше не слышала визга и свиста.

Наступила тишина. И хотя она не могла открыть глаза, но все же подумала, что мышиное полчище испугал звон разбитого стекла и мыши убрались восвояси.

Но что это? За спиной Мари в шкафу раздался странный шум и тоненький голосочек пропел: «Проснитесь, проснитесь! На бой соберитесь! Забудьте покой! Скорее в бой!» И зазвенели красивые мелодичные колокольчики.

– Ах, так ведь это моя музыкальная шкатулка! – с радостью вспомнила Мари и отскочила от шкафа.

В этот миг она увидела, что в шкафу стало светло, там царит какая-то суматоха. Куклы метались из стороны в сторону, размахивая руками. И тут поднялся наконец Щелкунчик, скинул с себя одеяло, соскочил с кровати и громко прокричал:

– Будь проклят мышиный род! Скорей прогоним этот сброд! Щелк, щелк, крик-крак, мышиный король – дурак! – При этом он выхватил свой маленький меч, замахал им и воззвал: – Мои дорогие подданные, друзья и братья! Придете ли вы мне на подмогу в тяжком бою?

На его призыв отозвались трое Скарамушей, Панталоне, четыре трубочиста, два бродячих музыканта и барабанщик:

– Наш государь, мы верны вам до гроба! С вами мы пойдем в бой не на жизнь, а на смерть!

И они ринулись вслед за Щелкунчиком, который, воодушевившись, осмелился на отважный прыжок с верхней полки. Надо отметить: им-то хорошо было прыгать – помимо того, что они были разряжены в сукно и шелка, туловища у них были набиты соломой и ватой, так что добровольцы плюх-

нулись вниз, как шерстяные подушки. А вот бедный Щелкунчик наверняка переломал бы себе руки и ноги, так как – вообразите себе только! – от верхней полки, где он лежал, до пола было почти два фута, а сам он отличался заметной хрупкостью, словно выточенный из липы. Конечно, Щелкунчик уж точно переломал бы себе руки-ноги, кабы мамзель Клерхен не соскочила с софы и не приняла в свои нежные объятия размахивавшего мечом героя.

– Ах ты, моя милая Клерхен, – всхлипнула Мари, – как я в тебе ошибалась! Уж ты точно с радостью уступила свою кроватку дружочку Щелкунчику!

Но тут заговорила, нежно прижимая к своей шелковой груди юного героя, сама мамзель Клерхен:

– Неужели вы, государь, больной и израненный, ринетесь навстречу опасности? Посмотрите, ваши верные вассалы уже готовы к бою и уверены в победе. Скарамуш, Панталоне, трубочисты, музыканты и барабанщик уже внизу, пряничные человечки на моей полке тоже пришли в движение! Соблаговолите, о владыка, отдохнуть в моих объятиях либо же дождитесь победы, наблюдая за битвой с высоты моей шляпы с пером!

Так уговаривала его Клерхен. Щелкунчик же брыкался и вырывался из ее объятий. В конце концов Клерхен пришлось поставить его на пол. В тот же миг он учтиво опустился перед нею на колено и прошептал:

– О прекрасная дама, я буду вспоминать в бою ваше ко

мне расположение и оказанную милость!

В ответ на любезные слова Клерхен низко склонилась, схватила его за ручку и нежно приподняла, затем быстро развязала на себе расшитый блестками пояс и собралась повязать его на Щелкунчика. Однако тот отступил на два шага, прижал руку к груди и торжественно произнес:

– О милая дама, не расточайте свои милости на меня, ибо…

Тут он запнулся, глубоко вздохнул, быстро сорвал с плеча ленточку, которой перевязала его Мари, поднес ее к губам, затем поместил ее на грудь вроде рыцарской перевязи и отважно спрыгнул, как птичка, с края шкафа на пол, воинственно размахивая обнаженным мечом.

Вы, конечно, поняли, мои любезные и чрезвычайно внимательные слушатели, что Щелкунчик, еще до того, как он по-настоящему ожил, прекрасно чувствовал любовь и доброту Мари и только из симпатии к ней отказался принять ленту от мамзель Клерхен, несмотря на всю ее красоту. Да-да, верный Щелкунчик предпочел скромную ленточку Мари.

Но что-то будет дальше?

Едва Щелкунчик прыгнул вниз, как вновь поднялся писк и визг. Ах! Под большим столом скопились несметные толпы мышей во главе с отвратительной мышью о семи головах.

Что-то произойдет?

Битва

– Мой верный вассал, барабанщик, выбивай дробь, бей всеобщее наступление! – громко приказал Щелкунчик.

Тут же барабанщик принялся искусно бить тревогу, так, что задрожали стекла шкафа. Внутри что-то загремело и загрохотало; Мари увидела, как пооткрывались разом все коробки, в которых размещалась армия Фрица, солдаты спрыгивали на нижнюю полку и там выстраивались ровными рядами. Щелкунчик проворно сновал вверх и вниз, воодушевляя войска.

– Куда подевались все трубачи? Почему они не откликаются? – в сердцах ругнулся Щелкунчик и, обратясь к слегка побледневшему Панталоне, у которого дрожал длинный подбородок, торжественно произнес: – Уважаемый генерал, я высоко ценю ваше мужество и военный опыт. Сейчас особенно необходимы сообразительность и выбор удачного момента. Доверяю вам командование всей кавалерией и артиллерией. Конь вам не нужен – у вас очень длинные ноги, которые вас донесут, куда нужно. Исполняйте же свои обязанности!

Панталоне тут же сунул в рот длинные тощие пальцы и свистнул столь пронзительно, как будто заиграла сотня дудок. В шкафу раздались ржанье и топот: оказывается, мигом выступили в поход кирасиры и драгуны Фрица, их обогнали

новые блестящие гусары. Вскоре все они очутились внизу, на полу. Полк за полком с развевавшимися знаменами, под барабанный бой – все продефилировали перед Щелкунчиком и выстроились широкими рядами поперек гостиной. Пушки Фрица, сопровождаемые бравыми артиллеристами, выкатились вперед и разразились залпами: бум-бух, бум-бух! Мари увидела, как в полчища мышей полетел сладкий цветной горошек, напудрив врагов добела сахаром, отчего те сконфузились. Больше вреда, однако, причиняла тяжелая батарея, въехавшая на мамину скамеечку для ног и – бух-бух! – непрерывно обстреливавшая неприятеля круглым печеньем, от которого полегло немало мышей.

Увы, мыши всё наступали и наступали, захватили даже несколько пушек, и тут поднялся отчаянный грохот, из-за дыма и пыли Мари не могла разглядеть, что там происходит. Ясно было только, что обе армии бились с равным ожесточением, победа переходила то на одну, то на другую сторону.

Мыши вводили все новые и новые войска; серебряные пилюли, которые они весьма метко бросали, долетали уже до самого шкафа. Клерхен и Трутхен метались по полке, в горе заламывая руки.

– Неужели мне придется погибнуть в расцвете лет, мне, самой красивой из кукол! – голосила Клерхен.

– Не для того же я так хорошо сохранилась, чтобы умереть здесь, в четырех стенах! – причитала Трутхен.

Они упали друг другу в объятья и так разрыдались, что их

плача не мог перекрыть даже ожесточенный шум битвы.

Вы и представить себе не можете этот спектакль, уважаемые слушатели. То и дело бухали пушки: бух-бух, бам-бам! Трум-бурурум, трах-бах! И тут же пронзительно пищали мыши, визжал мышиный король, снова и снова раздавался властный голос Щелкунчика, отдававшего приказы. Видно было, как он под огнем отважно обходит свои батальоны.

Панталоне провел несколько блестящих кавалерийских атак и увенчал себя славой. Но мышиная артиллерия засыпала гусар Фрица отвратительными зловонными ядрами, которые оставляли на красных мундирах ужасные пятна, отчего гусары и не стремились идти вперед. Панталоне скомандовал им свернуть влево и сам в пылу атаки повернул в ту же сторону, за ним последовали кирасиры и драгуны, словом, все завернули налево и отправились по домам. В результате батарея, разместившаяся на скамеечке, оказалась под угрозой. Прошло совсем немного времени, огромная толпа противных мышей накинулась на скамеечку и опрокинула ее вместе с пушками и отважными артиллеристами. Щелкунчик, казалось, был очень этим озадачен и скомандовал правому флангу отступить.

Ты, конечно, знаешь, мой опытный в военных делах слушатель, Фриц, что подобный маневр означает чуть ли не бегство с поля боя, и, разумеется, сожалеешь о неудаче, какая постигла армию маленького любимца Мари – Щелкунчика. Однако отвлекись от этой беды и взгляни на левый

фланг, где дела обстояли гораздо лучше. Во время жаркого сражения из-под комода тихо-тихо выползли отряды мышиной кавалерии и с яростным писком набросились на левое крыло Щелкунчикова войска, но какое сопротивление ждало их там! Медленно, насколько позволяла пересеченная местность, ибо приходилось перебираться через край шкафа, корпус пряничных человечков под предводительством двух китайских императоров выстроился в каре. Эти пестрые, но тем не менее храбрые полки, состоявшие из садовников, тирольцев, тунгусов, парикмахеров, арлекинов, купидонов, львов, тигров, пингвинов и обезьян, сражались с большой отвагой и мужеством. С выдержкой, достойной спартанцев, этот элитный батальон вырвал бы у неприятеля победу, кабы не дерзкий вражеский рыцарь, который прорвался сквозь кольцо защитников и откусил китайскому императору голову, а тот при падении задавил двух тунгусов и одного пингвина. Вследствие такого несчастья в стане Щелкунчика образовалась брешь, куда и устремился неприятель. Под его натиском погиб целый батальон.

Однако мышиному всаднику не удалось воспользоваться своим преимуществом. Стоило ему перегрызть кого-нибудь из противников, как в него попадала скомканная бумажка, от чего он в конце концов и погиб. Впрочем, это мало помогло Щелкунчиковой армии. Под натиском врага солдаты Щелкунчика отступали, неся большие потери. Наконец кучка смельчаков во главе с несчастным Щелкунчиком оказа-

лась у самого шкафа.

– Резервы, ко мне! Панталоне, Скарамуш, барабанщик, где же вы? – призывал Щелкунчик, рассчитывая на прибытие свежих сил из стеклянного шкафа.

На его зов явилось несколько коричневых пряничных человечков из Торна, с золотыми лицами, в золотых шляпах и шлемах. К сожалению, бились они неумело, их удары не достигали противника, а даже ненароком чуть не сбили шапку с головы своего полководца. Вскоре вражеские егеря перегрызли им ноги, человечки попадали на пол, задавив при этом нескольких товарищей по оружию.

Окруженный плотным кольцом врагов, Щелкунчик подвергался смертельной опасности. Он решил перепрыгнуть через край шкафа, но, увы, ноги его были слишком коротки для опасного прыжка. Клерхен и Трутхен лежали в обмороке и не могли ему помочь. Гусары и драгуны бодро проскакивали мимо него. В полном отчаянии он воскликнул:

– Коня, коня! Полцарства за коня!

В то же мгновение два вражеских стрелка вцепились в его деревянный плащ, и мышиный король подскочил к нему, победно вопя всеми своими семью глотками.

Мари не могла сдержаться.

– О мой бедный, несчастный Щелкунчик! – рыдая, воскликнула она и в запальчивости, не владея собой, сняла с левой ноги башмачок и с силой запустила им в мышиное сборище, прямо в их короля.

Толпа рассеялась, а Мари почувствовала боль в левой руке, еще более острую, чем прежде, и без чувств упала на пол.

Болезнь

Когда Мари очнулась от глубокого забытья, она обнаружила, что лежит в своей постельке, а в комнату сквозь морозные узоры проникает искрящийся солнечный свет.

У ее постели сидел чужой человек, в котором она вскоре узнала хирурга Вендельштерна. Тот мягко проговорил:

– Ну наконец-то малышка проснулась!

Тут подошла матушка и посмотрела на дочь испуганно и пытливо.

– Ах, милая мамочка, – прошептала Мари, – скажи же мне, убрались ли наконец противные мыши и спасен ли мой любимый Щелкунчик?

– Хватит нести всякий вздор, Мари, – отвечала матушка. – Зачем нужен мышам Щелкунчик? Но вот ты, вредный ребенок, заставила нас всех переволноваться. Так всегда бывает, когда дети своевольничают и не слушают родителей. Ты вчера заигралась со своими куклами до глубокой ночи, потом, должно быть, задремала, и тебя испугала случайно прошмыгнувшая мышь, хотя у нас, вообще-то, мышей нет. Короче говоря, ты расшибла локтем стекло в шкафу и сильно порезалась. Господин Вендельштерн, который только что вынул из раны осколки, говорит, что ты могла навсегда повредить свою руку или истечь кровью. Слава тебе господи, я проснулась в полночь, увидела, что тебя нет в спальне, и

пошла в гостиную. Так вот, ты лежала без сознания подле шкафа и истекала кровью. Я сама тоже едва не потеряла сознание. Ты лежала на полу, вокруг валялись оловянные солдатики Фрица, твои куклы, разбитые пряничные человечки, кусочки фигурного печенья. Щелкунчика ты держала окровавленной рукой, неподалеку валялся твой левый башмачок.

– Ах, мамочка, мамочка, – перебила ее Мари, – но ведь там остались следы великой битвы между куклами и мышами. Ох, как я испугалась, когда мыши хотели взять в плен несчастного Щелкунчика, командовавшего кукольной армией! Тогда-то я и швырнула в мышей свой башмак. А вот что было дальше – я не знаю.

Хирург Вендельштерн сделал глазами знак матери, и та нежно проговорила:

– Успокойся, успокойся, милая детка! Все хорошо! Мыши убрались восвояси, а Щелкунчик, целый и невредимый, стоит в шкафу.

Тут вошел в спальню медицинский советник и долго беседовал с хирургом Вендельштерном, затем он пощупал у Мари пульс и заговорил о лихорадке, вызванной раной.

Несколько дней пришлось Мари лежать в постели и принимать лекарство, хотя она, кроме боли в руке, не чувствовала нездоровья. Теперь она знала, что Щелкунчик спасся, и временами, будто во сне, слышала его печальный голос: «Мари, моя прекрасная дама, я признателен вам за спасение, но вы можете сделать для меня еще больше!»

Мари терялась в догадках, что он имеет в виду, и не находила ответа, играть она не могла из-за больной руки, а когда принималась читать или начинала перелистывать книжки-картинки, у нее рябило в глазах, и приходилось отказываться от этого занятия. Время тянулось медленно. Мари едва дожидалась сумерек, когда у ее постели присаживалась мать и читала либо рассказывала замечательные истории.

Вот и сейчас, только матушка покончила с длинной сказкой про принца Факардина, как вдруг отворилась дверь и вошел крестный Дроссельмайер.

– Дайте-ка я погляжу, как тут идут дела у нашей маленькой больной, – сказал он.

Как только Мари увидела крестного в его обычном желтом сюртуке, перед ее глазами предстала та страшная ночь, когда Щелкунчик потерпел поражение от мышей, и она невольно воскликнула:

– О крестный Дроссельмайер! Как же ты себя ужасно вел! Я своими глазами видела, как ты восседал на часах и прикрывал их своими крыльями, чтобы они не били громко и не пугали мышей! Я собственными ушами слышала, как ты зазывал мышиного короля! Почему ты не пришел на помощь Щелкунчику, почему не помог мне, противный крестный Дроссельмайер? Ты один во всем виноват, из-за тебя я порезала руку и вынуждена теперь лежать в постели!

Мать не на шутку перепугалась от таких речей.

– Что это с тобой, милая Мари?

Но крестный скорчил необыкновенную гримасу и хрипящим монотонным голосом проговорил:

– Тик-тик-так, идут часы без особой маяты. Ходит маятник бесшумно – механизм устроен мудро. Бим-бом, бим-бом – раздается тихий звон. Колокольчики звенят – кукол весело манят. Разгоняют всех мышей и мышиных королей. Вдруг заухает сова, все узнают без труда, сколько времени сейчас и который пробил час. Ходи, маятник, без стука, точный счет веди минутам! Бим-бом, тик-так, все исправим, что не так!

Мари во все глаза смотрела на крестного, он казался ей совсем другим, намного уродливее, чем прежде. Правой рукой он непрерывно размахивал, как кукла-марионетка, которую дергают за веревочку. Мари, конечно, не на шутку испугалась бы, если бы в спальне не было матери и подоспевшего Фрица, который прервал крестного громким смехом:

– Ха-ха-ха, крестный, ты опять сегодня такой забавный и похож на моего паяца, которого я давно зашвырнул за печку!

Матушка оставалась серьезной.

– Господин старший советник, – спросила она у крестного, – что означают эти странные шутки? Что вы имеете в виду?

– Бог ты мой, – рассмеялся Дроссельмайер, – вы что, позабыли веселую песенку часовщика? Я всегда ее пою больным детям, таким как Мари.

Он быстро подсел к кровати и ласково проговорил:

– Не сердись, что я не выцарапал мышиному королю все его четырнадцать глаз, этого нельзя было делать. Зато смотри-ка, какую радость я для тебя припас!

С этими словами старший советник суда полез в карман, и что вы думаете оттуда вынул? Конечно же, Щелкунчика, которому он аккуратно вставил выпавшие зубки и ловко вправил больную челюсть.

Мари вскрикнула от радости, а мать, улыбаясь, проговорила:

– Видишь, как крестный заботится о твоем Щелкунчике!

– Признайся же, Мари, – перебил крестный госпожу советницу, – не так уж и красив этот Щелкунчик, да и лицом не вышел. Если хочешь, я расскажу тебе, как это уродство появилось в их семье и стало передаваться по наследству. А может, ты уже слышала сказку про принцессу Пирлипат, ведьму Мышинду и искусного часового мастера?

– Послушай-ка, крестный, – вмешался в разговор Фриц, – ты красиво вставил Щелкунчику зубы, поправил его челюсть, она больше не болтается, но почему у него нет меча? Ответь, почему ты не привязал ему меч?

– Ай, ну все-то ты привередничаешь, парень! – недовольно проворчал крестный. – Я вылечил тело Щелкунчика, меч меня не касается, пусть он сам себе добывает оружие, если оно ему необходимо.

– Правильно! – воскликнул Фриц. – Если он храбрый малый, то уж точно сможет вооружиться.

– Итак, Мари, – продолжал крестный, – знаешь ли ты сказку о принцессе Пирлипат?

– Ах, нет, – ответила Мари, – расскажи, милый крестный, пожалуйста, расскажи!

– Надеюсь, дорогой крестный Дроссельмайер, – предупредила его мама, – что на сей раз это не будет, как обычно, страшная сказка.

– Разумеется, госпожа советница, – заверил ее крестный, – напротив, имею честь изложить вам занимательную историю.

– Ах, расскажи же, расскажи, милый крестный! – в один голос вскричали дети.

И старший советник суда приступил к рассказу.

Сказка о твердом орехе

– Мать Пирлипат была супругой короля и, следовательно, королевой. Сама Пирлипат в момент своего рождения стала прирожденной принцессой. Король не помнил себя от радости, все любовался чудесной дочуркой, лежавшей в колыбели, бурно веселился, танцевал, прыгал на одной ножке, то и дело вскрикивая:

«Хайса! Видел ли кто-нибудь дитя, чудеснее моей Пирлипатхен!»

Министры, генералы, советники и штабные офицеры подпрыгивали, как отец нации, на одной ножке и хором отвечали:

«Нет, нет! Никто не видел!»

Собственно, им даже не приходилось лгать: с тех пор как существует мир, не появлялось на свет младенца прекраснее принцессы Пирлипат. Личико ее было будто соткано из лилейно-белого и очаровательно-розового шелка, глазки сияли пронзительным лазоревым светом, волосы вились золотыми колечками. При этом Пирлипатхен родилась с двумя рядами жемчужных зубок, которыми она два часа спустя после рождения укусила за палец рейхсканцлера, пожелавшего получше рассмотреть черты ее лица. Канцлер вскричал от боли: «О боже мой», – некоторые впрочем, утверждают, будто он крикнул: «Ай, больно!» Мнения на сей счет и поныне рас-

ходятся. Короче говоря, Пирлипатхен действительно вцепилась канцлеру в палец, и тогда восхищенный народ убедился в том, что в ангельском тельце принцессы сокрыты и душа, и разум, и чувство.

Как было уже сказано, все пребывали в восторге, лишь мать-королева неизвестно почему тревожилась. Прежде всего она повелела неусыпно стеречь колыбельку принцессы. Мало того что у дверей неизменно пребывала стража, у колыбели постоянно толклись две няньки и еженощно дежурили еще шесть служанок в детской. Но самым нелепым казалось требование, которого никто не мог понять, – приказ держать каждой няньке на коленях кота и всю ночь его гладить, дабы он не переставая мурлыкал. Вам, милые дети, нипочем не догадаться, для чего мать Пирлипат принимала эти меры предосторожности. Но я об этом знаю и немедля расскажу вам.

Однажды ко двору короля, отца Пирлипат, съехалось множество славных королей и пригожих принцев. По такому случаю устраивали обычно рыцарские турниры, придворные балы, в театре играли комедии. Король, желая показать, что серебра и золота у него не счесть, решил запустить руку в сокровищницу и закатить пир на весь мир. Узнав от главного придворного повара, что королевский звездочет вычислил время, благоприятное для забоя скота, он задумал колбасное пиршество, вскочил в карету и самолично пригласил всех окрестных королей и принцев всего-навсего на ложку супа,

мечтая на самом деле поразить их изысканными яствами.

Затем он ласково обратился к своей супруге-королеве:

«Ты же хорошо знаешь, моя милочка, какую колбасу я предпочитаю».

Королева отлично понимала, к чему он клонит: она должна лично заняться изготовлением колбас, от чего, впрочем, никогда не отлынивала.

Главному казначею было приказано доставить из сокровищницы на кухню большой золотой котел и серебряные кастрюли, печь натопили сандаловым деревом, королева повязала камчатный фартук. Вскоре от котла поднялся соблазнительный дух мясного навара. Волнующий колбасный запах проник даже в зал государственного совета, и король, еле сдерживая восторг, воскликнул: «Прошу прощения, господа!» – и помчался на кухню. Там он обнял королеву, немножко помешал золотым скипетром в котле и, успокоенный, вернулся на государственный совет.

Наступил ответственный момент – надо было разрезать на кусочки сало и поджарить его на серебряных сковородках. Придворные дамы отошли, так как королева из любви и благоговения перед своим супругом собиралась проделать это собственными руками.

Как только сало начало поджариваться, раздался вдруг нежный просительный голосок:

«Дай мне кусочек, сестрица! Хочется мне сальца отведать, я ведь тоже королева!»

Королева знала, что к ней обращается госпожа Мышинда. Госпожа Мышинда жила с незапамятных времен в королевском дворце. Она утверждала, что состоит в родстве с королевской семьей, сама правит королевством Мышания и содержит большой двор под печью. Королева была доброй женщиной. Она хотя и не признавала родства с Мышиндой и не почитала ее за особу королевского рода, однако в такой торжественный день от всего сердца решила откликнуться на зов просительницы:

«Вылезайте же, госпожа Мышинда, отведайте моего сала».

Мышинда весело вспрыгнула на плиту и стала хватать изящными маленькими лапками один кусочек сала за другим, которые ей протягивала королева. Мало того, следом набежала вся мышиная родня: дядюшки и тетушки Мышинды, а также семь ее сыновей, известных проказников. Мышиная рать дружно набросилась на сало.

Королева с перепугу не знала, что ей делать. К счастью, ее выручила главная фрейлина. Она-то и прогнала взашей непрошеных гостей. Увы, уцелело совсем немного сала, которое по указанию срочно вызванного придворного математика было тщательно распределено по всем колбасам.

Тем временем запели трубы, зазвенели литавры. Прибыли на колбасный пир, кто на белых конях, кто в хрустальных каретах, важные персоны – короли и принцы в праздничных одеяниях.

Король встречал их с большим почетом и дружелюбием. Затем он, в короне и со скипетром, как и положено государю, занял место во главе стола. Однако, когда подали ливерные колбасы, гости заметили, как начал бледнеть король и возносить взоры к небу. Тихие вздохи вылетали из его груди, а душу снедала невыносимая тоска. Когда же подали кровяные колбасы, он, уже не сдерживаясь, с громким рыданьем и стонами откинулся на спинку кресла и, прикрыв лицо руками, громко стенал.

Гости повскакивали из-за стола, придворный лекарь пытался нащупать пульс у несчастного владыки, которого, казалось, снедала непонятная тоска.

В конце концов после долгих уговоров, принятия сильнодействующих средств вроде жженых птичьих перьев и тому подобного король понемножку стал приходить в себя и чуть слышно пробормотал:

«Слишком мало сала!»

Безутешная королева бросилась ему в ноги и, рыдая, залепетала:

«О мой бедный, несчастный супруг! Какую невыносимую боль вам пришлось пережить! Взгляните: виновница несчастья у ваших ног! Накажите же ее со всею строгостью! Ах, госпожа Мышинда со своими семью сыновьями, тетками и дядьями сожрали почти все сало!»

С этими словами королева без чувств упала навзничь.

Пылая гневом, король вопросил:

«Главная фрейлина, как это произошло?»

Фрейлина подробно рассказала, что знала, и король решил отомстить госпоже Мышинде и ее многочисленной родне, съевшей сало, приготовленное для его колбасы.

Срочно созвали государственный совет. Важные советники порешили возбудить судебный процесс против госпожи Мышинды и отобрать у нее все ее добро и все владения. Но король полагал: пока суд да дело, Мышинда будет по-прежнему пожирать его сало, и потому поручил это дело придворному часовщику и большому искуснику. Мастера звали так же, как и меня, – а именно Христиан Элиас Дроссельмайер. Он торжественно заверил, что с помощью тщательно разработанной, по-государственному умной операции навсегда изгонит из дворца госпожу Мышинду и весь ее род. И в самом деле, мастер изобрел весьма искусные устройства, в которых на ниточке было привязано аппетитно поджаренное сало, и расставил их вокруг жилища госпожи салоежки.

Умудренная житейским опытом Мышинда, разумеется, разгадала хитрость Дроссельмайера, но никакие предостережения и увещевания не могли отвратить ее родню от пленительного запаха жареного сала. Все семь сыновей, много-много дядюшек и тетушек все-таки забирались в дроссельмайеровские ловушки и только начинали лакомиться даровым угощением, как их прихлопывала нежданно-негаданно опускавшаяся дверца. Потом уже с ними окончательно разделывались на кухне.

Госпожа Мышинда с небольшой кучкой подданных покинула печальное место. Душу ее разрывали неизбывное горе и жажда мести.

Королевский двор ликовал, лишь королева пребывала в тревоге, зная повадки Мышинды и догадываясь, что та не оставит без отмщения гибель своих сыновей и родни.

И точно, когда королева готовила из требухи паштет, любимый ее супругом, вдруг объявилась Мышинда и сказала такие слова:

«Мои сыновья, мои дядюшки и тетушки убиты! Берегись теперь, королева! Речь идет о жизни принцессы! Королева мышей намерена тебе отомстить!»

Проговорив это, она исчезла и больше не появлялась. Королева же так испугалась, что в замешательстве уронила паштет в огонь. Во второй раз из-за Мышинды было испорчено любимое кушанье короля, что сильно его разгневало.

– Ну, на сегодня, пожалуй, хватит! – неожиданно прервал свой рассказ крестный Дроссельмайер.

Как ни просила его Мари, на которую эта история произвела сильное впечатление, крестный не поддался на уговоры и со словами: «Чересчур много переживаний вредно для здоровья, продолжим завтра» – собрался уйти.

Уже в дверях Фриц спросил его:

– Крестный, это правда, что ты придумал мышеловку?

– Какие глупости тебе приходят в голову! – воскликнула

мать.

Старший советник суда странно улыбнулся и тихо проговорил:

– Разве не может искусный часовой мастер изобрести мышеловку?!

Продолжение сказки о твердом орехе

– Теперь вы знаете, дети, почему королева приказала неусыпно сторожить прекрасную принцессу Пирлипат, – в следующий вечер продолжил свой рассказ крестный Дроссельмайер. – Как же ей было не бояться того, что Мышинда осуществит свои угрозы? Ловушки часовщика не помогали. Опытная Мышинда их ловко избегала. Придворный астроном, бывший одновременно тайным главным предсказателем, присоветовал привлечь к этому делу семейство кота Мурра, которое, по его мнению, способно отвадить госпожу Мышинду от колыбели принцессы. Потому-то и было приказано всем служанкам держать на коленях по представителю кошачьего рода, чьих сыновей возвели в ранг тайных советников и посланников и скрашивали им тяготы службы нежным почесыванием за ушком.

И вот однажды в полночь одна из двух главных нянек, сидевших у колыбели, очнулась от глубокого сна, и что же она увидала? Все было объято сном, ни ворчания, ни мурлыканья – мертвая тишина, прерываемая лишь шуршанием жука-древоточца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.